

Миклухо Юлия Юрьевна

К ВОПРОСУ О НАТУРАЛИЗМЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГАУПТМАНА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ДРАМЫ "ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА")

В статье рассматривается вопрос о специфике художественного метода немецкого драматурга Г. Гауптмана на примере пьесы "Перед восходом солнца". Выявляются доминанты в оценках отечественной критики рубежа XIX-XX вв., исследуется степень проникновения в авторскую концепцию, и делаются выводы о характере вхождения иноязычного художественного феномена в отечественную культуру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 127-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

менее регулярно – в сагайском и, наоборот, перестановка звуков частое явление в сагайском диалекте, реже встречается в качинском [1, с. 42].

В рассмотренных нами источниках авторы – качинцы в основном используют свою форму, а авторы – сагайцы отдают предпочтение своей форме.

Отсюда следует что, указанные явления в фонетических диалектизмах в языке художественных произведений авторами используются как выразительное средство, способствующие точному выражению чувств и замысла автора, ведь в зависимости формы слова можно определить к какому диалекту относится слово. А диалектизмы позволяют индивидуализировать речь персонажей. Однако имеют место и такие случаи употребления различных диалектизмов, которые продиктованы не целесообразностью, а «патриотизмом» автора по отношению к своему диалекту. У поэтов нередко формы, встречающиеся только в диалектах, используются для сохранения избранного ими размера стиха и его рифмы.

Список литературы

1. **Боргояков В. А.** О некоторых тематических группах слов кызыльского диалекта хакасского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. С. 41-43.
2. **Бурнаков Ф.** Пабам-ача: фельетон. Абакан, 1972. 67 с.
3. **Бурнаков Ф.** Тигір оды: повесть. Абакан, 1977. 137 с.
4. **Доможаков Н.** Ыраххы аалда: роман. Абакан, 1975. 400 с.
5. **Казачинова Г.** Той: повесть и рассказы. Абакан, 1979. 157 с.
6. **Кильчичаков М.** Чил айыг: стихи. Абакан, 1978. 56 с.
7. **Кобяков В.** Мылтых табызы: рассказ // Красная степь: рассказы, стихи, пьесы. Абакан, 1982.
8. **Орфография хакасского литературного языка.** Абакан, 1988. 189 с.
9. **Тиников Н.** Кавристің кјглері: повесть. Абакан, 1977. 123 с.
10. **Тиников Н.** Тјреен суум: стихи. Абакан, 1962. 101 с.
11. **Тиников Н.** Тіріг кізі јлбечен: повести. Абакан, 1982. 239 с.
12. **Халларов А.** Акај: повесть. Абакан, 1984. 184 с.
13. **Черпаков А.** Пай тирек: повесть. Абакан, 1981. 112 с.
14. **Шулбаева В.** Чуртас салиацында: пьесы и рассказы. Абакан, 1997. 288 с.

PHONETIC PHENOMENA IN THE WORKS OF THE KHAKASSIAN WRITERS

Medvedeva Marina Alekseevna, Ph. D. in Philology
Khakas State University named after Nikolai F. Katanov
 marina_medvedeva_71@mail.ru

The article attempts to analyze such phonetic phenomena as metathesis, elision and epenthesis in phonetic dialecticisms, used in the works of the Khakassian writers. The analyzed material shows that phonetic phenomena in the dialects act more vividly, than in the literary language, which as we know is more conservative.

Key words and phrases: phonetic dialecticism; phonetic phenomena; metathesis; elision; epenthesis; the Sagai dialect.

УДК 82.0(091); 82.09(091); 82.0(092); 82.09(092)

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о специфике художественного метода немецкого драматурга Г. Гауптмана на примере пьесы «Перед восходом солнца». Выявляются доминанты в оценках отечественной критики рубежа XIX-XX вв., исследуется степень проникновения в авторскую концепцию, и делаются выводы о характере вхождения иноязычного художественного феномена в отечественную культуру.

Ключевые слова и фразы: критическая рецепция; художественный метод; натурализм; «новая драма»; экзистенциальная проблематика; социологический критерий, художественный синтез.

Миклухо Юлия Юрьевна, к. филол. н.

Сибирский государственный индустриальный университет
 Julivlasova@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАТУРАЛИЗМЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГАУПТМАНА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ДРАМЫ «ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА»)©

На литературном олимпе Г. Гауптман возник, прежде всего, как последователь идей Э. Золя, натуралист, откровенно рисующий грубую правду жизни в ее мельчайших проявлениях. Своей первой драмой он вызвал

большой ажиотаж среди общественности; «Перед восходом солнца» была воспринята как революционная в смысле реформации представлений о театре. Как отмечало большинство современников Гауптмана, новая пьеса, поставленная на сценах многих европейских театров, впервые со всей правдивостью показала жизнь в ее неприглядной прозаичности.

Рецепция драмы прочно соединялась с осмыслением натурализма, зависела от отношения к нему того или иного критика. Несмотря на то, что Россия рубежа XIX-XX веков была знакома с этим феноменом, все же на русской почве он «не прижился». В. Б. Катаев отмечает, что хотя русская литература уже давно прошла этап «натуральной школы» (1840-е гг.) и реализм шестидесятников-демократов, которые могут быть рассмотрены как «предтеча» натурализма, и, несмотря на то, что «Вестник Европы» печатал «Парижские письма» Э. Золя (легшие в основу его книг «Романисты-натуралисты», «Литературные декаденты» и «Экспериментальный роман»), все же русский натурализм не дал крупных имен и остался уделом второсортных писателей (таких, как П. Боборыкин, И. Ясинский, В. Буренин, Н. Морской-Лебедев, В. Бибииков, И. Потапенко и др.) [5].

Кроме того, также следует иметь в виду, что в России сформировались два лагеря писателей-натуралистов, одни из которых были близки к «золаизму», а другие ставили задачу продемонстрировать «куски жизни как она есть», дать «изображение самодостаточное и протокольное» [Там же, с. 195]. Интерес к биологическому в человеке, свойственный «золаизму», быстро угас, а критерий «правдивости», характерный для вторых, объединил таких известных писателей, как Толстой, Чехов и Горький. Одну из причин «непопулярности» натурализма в России В. Б. Катаев видит в том, что после успеха романа Золя «Нана» слово «натурализм» стало широко использоваться в русской критике, причем одним термином объединялись различные грани этого направления. Одной из причин недооцененности натурализма является и то, что он противопоставлялся реализму как антиподу «иррационализма», «модернизма», поэтому воспринимался как нечто частное и даже художественно неполноценное [9, с. 50]. Все это привело к тому, что Гауптман со своей первой драмой «Перед восходом солнца», в которой «натуралистичные» картины сочетаются со скрупулезным детализированием, был воспринят как «писатель-золаист», что многим помешало увидеть истинное значение новаторского произведения.

Реакция на пьесу «Перед восходом солнца» последовала в России очень быстро. Написанная и поставленная в 1889 году, она начинает освещаться в российской периодике почти сразу же. Так, уже в декабрьском номере журнала «Артист» появляется анонимная рецензия на пьесу Гауптмана, в которой «Перед восходом солнца» получает крайне негативную оценку. Судя по всему, с иронией критик называет Гауптмана «немецким гением», а его «странное» произведение, содержание которого автор статьи не берется пересказывать «из страха истерзать эстетический вкус читателей» [1, с. 213], чем-то «вроде Sturm und Drang'a, только в современном реалистическом направлении» [Там же]. При этом он явно имеет в виду натурализм, поскольку отмечает в произведении драматурга исключительно шокирующие черты: «самые отвратительные пороки человеческой природы воплощены на сцене с самой циничной откровенностью» [Там же].

В статье В. Гольцева «Заметка о современном театре», напечатанной в «Артисте» (1893), выражается сожаление по поводу такой специфической черты современной сцены, как «торжество так называемого натурализма, господство в драматических изображениях неприкрашенной жизни, обыденных гадостей и дрязг, пошлых людей и стремлений» [3, с. 123]. В качестве характерного примера приводится «Перед восходом солнца» Гауптмана. Критик обвиняет драматурга в злоупотреблении «циническими (реалистическими) подробностями» [Там же]. Он отмечает, что по своей идее драма Гауптмана напоминает «Призраки» Ибсена; разница же между пьесами состоит в том, что Ибсен является в большей степени художником и «не спускается до фотографического воспроизведения всех грубых пошлых жизненных мелочей» [Там же]. В его творчестве они являются лишь средством, но не целью, как у Гауптмана.

А. В. Введенский в статье «Письма о современном театре» («Русский вестник», 1894) утверждает, что натурализм не является природной склонностью немецкого писателя. Критик убежден, что Гауптман как «поэт толпы», для которого важнее всего быть в центре внимания, находится в «постоянном и боязливом искании новых эффектов» [2, с. 174]. А потому он поддался натуралистическим идеям Золя и постарался продемонстрировать в своей первой пьесе трагические последствия наследственного алкоголизма. По мнению Введенского, Гауптман, сознательно или нет, опровергает собственный догмат о наследственности, создавая образ Елены Краузе. С другой стороны, желая в ярком и привлекательном свете выставить социал-демократа Лота, драматург дает в нем пародию на человека, «какого-то мертвого, ходульного теоретика» [Там же, с. 176]. Поэтому его драма «Перед восходом солнца» получилась крайне противоречивой. Подметив это, Введенский не сумел понять эту черту драмы как следствие сознательной установки Гауптмана на развенчание идеи наследственного алкоголизма, а также ложных, нежизненных социальных теорий. Критик истолковал ее как конструктивный дефект пьесы, «протест художнических инстинктов драматурга против догматов натурализма и социализма» [Там же].

Особого внимания заслуживают статьи Александра Рейнгольда, опубликованные в «Книжках Недели» (1893) [7; 8], где творчество Гауптмана рассматривается не только в его собственной динамике, но и в литературном генезисе, на фоне национальной и мировой традиции, и дается основательное осмысление новаторских принципов «новой драмы». Рейнгольд характеризует Гауптмана как «художника-натуралиста» и именно в натуралистичности видит особое достоинство его произведений. При этом натурализм соотносится в представлении критика с понятием реализма, жизненной правды. Он опровергает общепринятое мнение о том, что сущность данного направления заключается лишь в демонстрации всяческих пороков, «мерзостей и пошлостей». Рейнгольд видит в нем не «простое списывание с природы», а стремление к подлинной

художественной достоверности как одной из основополагающих черт новой драматургии вообще и «новой драмы» в частности. Критик утверждает, что Гауптман, как никто другой, близок к новому искусству. При этом Рейнгольдт ставит фигуру немецкого драматурга даже выше Стриндберга, который, по его мнению, является лишь «новатором-теоретиком», тогда как у Гауптмана новаторство «в крови».

Таким образом, критик выдвигает качественно новые критерии оценки творчества Гауптмана, которые соответствуют современной драме. Позиция Рейнгольдта, несомненно, является положительным полюсом в критической рецепции Гауптмана, выделяясь своей глубиной и прогрессивностью на фоне остальных оценок.

Тем не менее, первое произведение немецкого драматурга было воспринято Рейнгольдтом весьма сдержанно. В статье «Драматург-реформатор» он характеризует первые творческие опыты Гауптмана как *Sturm und Drang*. Драма «Перед восходом солнца» расценивается им как проба пера и критикуется за чрезмерное детализирование, нагромождение ненужных фактов, сгущение красок, которые, видимо, не играют никакой существенной роли. Вместе с тем, исходя из принципиально иного отношения к натурализму, Рейнгольдт считает это произведение поворотным пунктом в развитии немецкой драмы рубежа XIX-XX веков, а для Гауптмана начальной стадией на пути к натурализму в том высоком значении, которое придает ему критик.

Примером достаточно продуктивного анализа драмы и техники драматурга в целом является работа немецкого исследователя Э. Штейгера «Neues Drama», переведенная на русский язык в 1902 г. и плотно вошедшая в процесс русскоязычной рецепции драматургии Гауптмана. В главе, посвященной Гауптману, Штейгер отмечает, что, будучи «прирожденным драматургом», Гауптман всегда стремился в своих драмах воссоздать человека таким, каков он есть на самом деле. Поведение героев у Гауптмана выглядит натуральным, поскольку они в проявлениях своих чувств и эмоций не нарушают границ естественности; это стало возможным благодаря полному разрыву Гауптмана со старыми драматическими принципами. Коренным отличием «нового» героя Гауптмана от старого драматического персонажа является то, что у него вместо «человека-понятия» появляется «человек-явление» [10, с. 217].

Большой заслугой Штейгера является то, что он выходит за рамки содержательной стороны и пытается осмыслить технику «новой драмы», понимая, что художественные особенности такого рода драм оказываются во многом определяющими для концепции всего произведения. Штейгер делает акцент именно на «мелочах», на первый взгляд не заметных зрителю. Он указывает на то, что «совершенно невинные, обыденные замечания, брошенные, по-видимому, без всякой задней мысли в разговор», так же как и другие мелочи, «служат автору средством вызвать известные настроения, не потому, чтобы в них влагался, как у Ибсена, какой-то таинственный смысл, а просто, как случайные и мгновенные впечатления, делают нас восприимчивее к внешним событиям» [Там же, с. 241]. Именно в «новой драме» детали, мелочи приобретают особую смысловую нагрузку.

Попытку научного осмысления творчества Гауптмана осуществил в 1917 году профессор А. М. Евлахов в своем исследовании «Г. Гауптман: путь его творческих исканий» [4]. Исследователь считает, что, несмотря на разнообразие творческих методов, используемых Гауптманом (натурализм, символизм, реализм, неоромантизм), творчество его носит целостный характер. По мнению Евлахова, уже ранние произведения Гауптмана, такие как «Перед восходом солнца» и «Ткачи», синтезируют в себе сразу несколько направлений и не должны быть строго отнесены к группе натуралистических (социологических).

Книга Евлахова представляет собой попытку целостного критического осмысления творчества Гауптмана в России периода конца XIX – начала XX века, и ее можно считать началом научного изучения творчества немецкого драматурга.

В целом своей первой пьесой Гауптман вызвал большой резонанс среди российской общественности рубежа веков и был воспринят, прежде всего, как писатель с прогрессивными социальными взглядами. Несмотря на то, что большинством критиков Гауптман был отнесен к лагерю писателей-натуралистов, многие уловили сложность и неоднородность художественного метода немецкого драматурга уже тогда. Раскол во мнениях критиков относительно творчества Гауптмана Котляревский объясняет тем, что писатель «сумел прикоснуться к самому больному месту современной ему жизни, что он задел в сердцах и умах своих современников вопросы и настроения, наиболее жгучие, наиболее болезненные, способные разжечь, раскалить человека до крайностей в споре» [6, с. 4]. Что касается художественной стороны драмы «Перед восходом солнца», то ей в многочисленных критических заметках того времени уделялось недостаточно внимания.

Несмотря на шумный успех первой драмы, в русской периодической печати рубежа XIX-XX веков Гауптман презентуется чаще как автор «Ганнеле», «Потонувшего колокола», но не как автор «Перед восходом солнца».

«Перед восходом солнца» выполнила свою задачу как на родине, так и в России: позиционировала Гауптмана как смелого новатора, отражающего острые проблемы современности и использующего непривычные, доходящие до эпатажа художественные средства. Все это привлекло к нему внимание общественности как к оригинальной и яркой творческой личности, которую можно не принимать, но нельзя игнорировать. Из-за непривычной резкости пьеса не прижилась на сцене в отличие от более поздних произведений автора, которые получили и сценическое распространение, и, соответственно, их критическая рецепция оказалась полнее, живее. Притом, что зрелые произведения Гауптмана были однозначно восприняты как выходящие далеко за пределы натурализма, сам автор все же парадоксальным образом оказался прочно ассоциирован именно с этим направлением даже в современном отечественном литературоведении.

Список литературы

1. Б.п. О пьесе Г. Гауптмана «Перед восходом солнца» // Артист. 1889. Кн. 4. Декабрь. (Заграничная хроника).
2. Введенский А. В. Письма о современном искусстве // Русский вестник. 1898. Т. 254. № 4. С. 167-192.
3. Гольцев В. Заметка о современном театре // Артист. 1893. № 10.
4. Евлахов А. М. Герхарт Гауптман: путь его творческих исканий. Ростов н/Д: Типография Н. Д. Пастуха, 1917. 117 с.
5. Катаев В. Б. Реализм и натурализм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х гг.) / отв. ред. В. А. Келдыш. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. Кн. I. С. 193-215.
6. Котляревский Н. Герхарт Гауптман. Этюды // Гауптман Г. Полное собрание сочинений: в 2-х т. СПб.: Нива, 1908. Т. I. С. 3-28.
7. Рейнгольдт А. А. Вольный театр в Берлине // Книжки недели. 1892. Февраль.
8. Рейнгольдт А. А. Драматург-реформатор // Книжки недели. 1893. Июнь. С. 5-26.
9. Толмачев В. М., Зиновьева А. Ю., Косиков Г. К. Зарубежная литература к. XIX – н. XX вв.: в 2-х т. / под ред. В. М. Толмачева. М.: Изд. центр «Академия», 2001. Т. I. 496 с.
10. Штейгер Э. Новая драма. СПб.: Типо-литография И. Усманова, 1902. 376 с.

ON THE PROBLEM OF NATURALISM IN G. HAUPTMANN'S CREATIVE WORK
(BY THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF CRITICAL RECEPTION OF THE DRAMA "BEFORE SUNRISE")

Miklukho Yuliya Yur'evna, Ph. D. in Philology
Siberian State Industrial University
Juliavlasova@mail.ru

The article discusses the specifics of artistic method of the German dramatist G. Hauptmann by the example of the play "Before Sunrise". The paper identifies the dominants in the assessments of the domestic criticism at the turn of the XIX–XX centuries, analyzes the level of penetration into the author's conception and concludes on the nature of inclusion of a foreign artistic phenomenon into the national culture.

Key words and phrases: critical reception; artistic method; naturalism; "new drama"; existential range of problems; sociological criterion; artistic synthesis.

УДК 81

Филологические науки

В статье на материале донских казачьих говоров рассматривается образ донской казачки, воссозданный фольклорными и языковыми средствами, которые отражают не только внешность дончанки и черты ее характера, но и ее положение в семье и обществе, отношение к ней окружающих и их оценку ее действий и поступков. Данный образ является собирательным и отражает облик и характер русской женщины, вобрав в себя этнические признаки разных народов, генетически соединившихся в особом – донском – типе.

Ключевые слова и фразы: диалект; донские говоры; донской фольклор; казачество; слово и фразеологизм; диалектная картина мира.

Морозова Татьяна Ивановна

Волгоградский социально-педагогический университет
tata.morozova2012@yandex.ru

**ДОНСКАЯ КАЗАЧКА:
ЯЗЫКОВЫЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ СРЕДСТВА ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА[©]**

Образ казачки в донском диалекте является одним из самых ярких и запоминающихся образов в русском народном творчестве. Донские казачки славятся особенной внешней красотой и силой характера. Смесь восточных и славянских кровей, особый вольный уклад жизни превратил казачек в необыкновенных женщин. Образ казачки определенно имеет ряд отличительных особенностей от обобщенного образа русской женщины, созданного народным воображением и воплощающего в себе основные признаки национального характера, так же как и весь казачий фольклор, являясь неотъемлемой частью русского народного творчества, имеет свои неповторимые черты. Целью данной работы является необходимость выявить специфику отражения в языковом и народном сознании донского казачества положения женщины в семье и социуме. В задачи данного исследования входят определение состава диалектной лексики, характеризующей женщину, описание языкового и фольклорного материала, отражающего взгляд диалектоносителей на положение женщины в обществе, а также определение форм и способов именования женщины-казачки в донском диалекте.